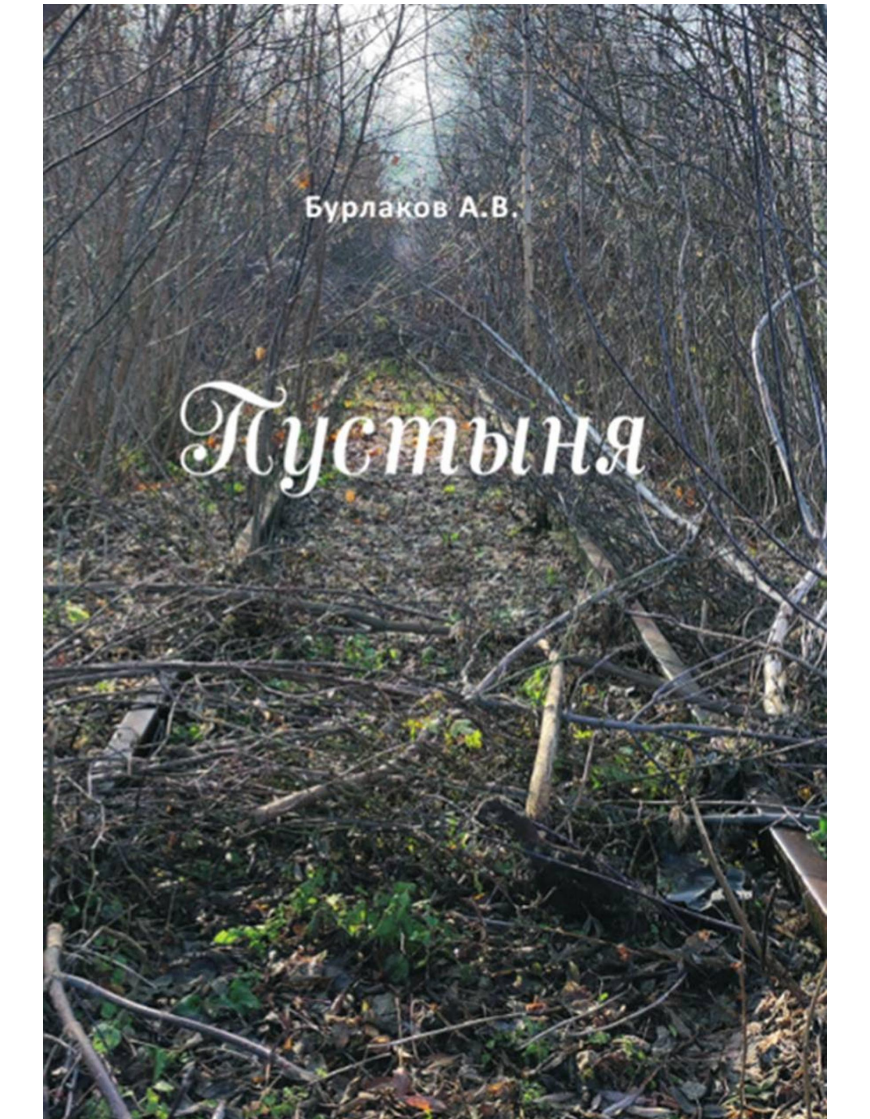

Бурлаков А.В.

Пустыня

Алексей Бурлаков

Пустыня

<https://litres.ru/74354324>

SelfPub; 2026

Аннотация

Узнай, житель пустыни, почему я буду называть тебя так, хотя вокруг тебя стены городов, шелест одежд и гул голосов? Я отвечу тебе и тем, кто еще не научился слушать.

Толпа — это мираж. Ты стоишь в ней, касаешься плечом чужих локтей, слышишь дыхание за спиной, но между вами — пустота. Это не расстояние, это разрыв. Раньше между людьми была полярность. Два полюса — влечение, необходимость другого для завершения собственного круга. Это было подобно притяжению звезд. Но ось сместилась. Теперь, когда ты приближаешься к другому, ты чувствуешь не тепло, а холод. Вместо притяжения ты обнаружил отталкивание. Ты не ищешь в нем родственную душу, ты ищешь в нем отражение своей выгоды или препятствие для своего удовольствия.

Вот твоя пустыня. Она — внутри.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Бурлаков

Пустыня

Глава

Пустыня

Пустыня

Узнай, житель пустыни, почему я буду называть тебя так, хотя вокруг тебя стены городов, шелест одежд и гул голосов? Я отвечу тебе и тем, кто еще не научился слушать.

Толпа — это мираж. Ты стоишь в ней, касаешься плечом чужих локтей, слышишь дыхание за спиной, но между вами — пустота. Это не расстояние, это разрыв. Раньше между людьми была полярность. Два полюса — влечение, необходимость другого для завершения собственного круга. Это было подобно притяжению звезд. Но ось сместилась. Теперь, когда ты приближаешься к другому, ты чувствуешь не тепло, а холод. Вместо притяжения ты обнаружил отталкивание. Ты не ищешь в нем родственную душу, ты ищешь в нем отражение своей выгоды или препятствие для своего удовольствия.

Вот твоя пустыня. Она — внутри.

Посмотри на рынок радостей: каждый здесь торгует своим смехом, покупает чужое восхищение, пьет вино одиночества

в компании равнодушных. Но мудрые говорят: «Когда удовольствие становится целью, другой человек перестает быть братом и становится конкурентом. Ибо радостей мало, а желающих — много. И в этой гонке ты не замечаешь, как твой язык покрывается песком, а глаза слепнут от миража всеобщего веселья». Вы соревнуетесь за кусок счастья, как шакалы за падаль у высохшего колодца. Вы мешаете друг другу, потому что каждый тянет одеяло страсти на себя. Это и есть закон отталкивания: чем ближе, тем больнее. Чем горячее желание, тем холоднее взгляд соседа.

Поэтому я говорю тебе: ты в пустыне.

Но это не приговор. Это — карта. Учитель всегда говорил своим ученикам, стоящим на перекрестке сотен жизненных троп:

— Смотри. Вокруг тебя — тысячи дорог. Одна вьется к богатству, другая — к славе, третья — к утробному покою, четвертая — к власти над такими же заблудшими. Все они пыльны, все они манят, и все они заканчиваются одним: новым барханом, за которым — снова пустота. Ибо все эти тропы ведут к умножению твоего «Я», а значит, к умножению твоего одиночества. В них ты умножаешь себя, но теряешь путь.

Но есть одна дорога. Не та, что широка, и не та, что протоптана. Это дорога каравана. Чем она отличается от всех остальных? Тем, что на ней ты не один. Тем, что на ней твоя цель — не взять, а дойти. Караван — это единство немощ-

ных, которые вместе становятся силой. Но караван обречен, если у него нет Поводыря. Без Поводыря песок заносит следы, ветер путает направления, а звезды в небе становятся просто блестящим мусором. Ты можешь быть самым выносливым верблюдом, но если ты ведешь сам себя, ты ведешь себя к гибели. Ибо внутренний компас сломан — он показывает не на Истину, а на твои же желания.

Поводырь — это не тот, кто знает карту. Карты нет. Поводырь — это тот, кто помнит вкус воды, хотя сам давно не пил. Тот, чье сердце настроено не на притяжение удовольствий, а на притяжение смысла. В мире всеобщего отталкивания только он сохранил полярность. Он — игла, которая показывает, где Север. И если ты прильнешь к нему, если доверишь ему свой страх, ты перестанешь быть конкурентом. Ты станешь путником.

Но предупреждаю тебя, житель пустыни: эта дорога — самая узкая. На ней нельзя тащить с собой груз прошлых обид и будущих корыстей. На ней ты должен разучиться отталкивать, чтобы научиться держать. Ибо спасение — не в том, чтобы убежать от толпы. Спасение — в том, чтобы идти сквозь толпу, но с теми, кто идет к колодцу, а не к очередному миражу.

Спросишь: «А если я пойду один?» — Я отвечу: один в пустыне — пища для песков. Но даже в огромном караване, если нет Поводыря, вы — всего лишь множество одиночеств, бредущих параллельно к своей общей смерти.

Так что я зову тебя жителем пустыни не для того, чтобы унижить. Я зову тебя так, чтобы ты вспомнил: ты ищешь воду. И единственная вода — не та, что утоляет плоть, а та, что соединяет сердца вопреки закону отталкивания и навеки утоляет духовную жажду. Ищи Поводыря. Доверься ему. Ибо среди миллиона дорог — только одна ведет к дому, а все остальные — всего лишь круги по песку.

О Главе и Пути

Я скажу тебе, сын пустыни: один мудрец, что жил среди снегов, сказал однажды, что все счастливые семьи одинаковы. И в этом он был прав. Ибо формула счастья едина для всех, как един закон, по которому звезды движутся по небосводу. Но несчастливых семей — бесчисленное множество, и каждая несчастна по-своему. И в этом — трагедия города, где люди блуждают, не находя верного чертежа для своего дома.

В древних письменах, которые ветер пустыни не стер, сказано просто и ясно, как удар колокола в ночи: **жене глава — муж, мужу глава — Бог**. Только эта схема ведет караван семьи через пески, мимо миражей и зыбучих дюн. Любые искажения — и караван распадается. И тогда мужчина становится вождем без звезды, а женщина — звездой без вождя. И бесконечны тогда варианты их падений, как бесконечны узоры, что рисует ветер на песке.

Но ты спросишь меня: кто же главнее? Тот, кто знает, куда

идти, или та, что делает путь выносимым? Тот, кто держит в руках компас, или та, что расстилает ковры под ноги усталым путникам?

Я отвечу тебе, сын пустыни. Представь караван, идущий через Великую Пустыню. Впереди — погонщик. Он смотрит на звезды, он знает, где колодцы, он чувствует приближение бури за три дня до того, как она родится на горизонте. Его дело — направление. А рядом с ним, в тени шатра, — та, что хранит воду, та, что знает, когда нужно остановиться, та, что перевязывает раны и согревает холодными ночами. Ее дело — само путешествие, его ритм, его тепло, его жизнь.

Кто из них главнее? Ты скажешь: тот, кто знает путь, ибо без направления караван закружится в бесконечных кругах, и вода иссякнет, и люди умрут, так и не достигнув оазиса. Но я скажу тебе: без нее путь становится смертью. Ибо можно идти по верной дороге, но если в пути нет утешения, нет руки, что держит твою, нет голоса, что шепчет: «Я с тобой», — то зачем тебе этот путь? Ты дойдешь до оазиса, но будешь один. И оазис станет пустыней.

Но вот что важно понять, сын пустыни. Они не спорят о главенстве, если каждый знает свое. Погонщик не лезет в шатер перевязывать раны — он не умеет. Хранительница очага не берет в руки компас — она не видит звезд, ибо ее дело — земля. Когда же они меняются ролями, караван гибнет. Когда мужчина пытается быть утешителем вместо вождя, он теряет уважение. Когда женщина пытается быть вождем вме-

сто утешительницы, она теряет нежность. И тогда рождаются те бесконечные несчастья, о которых говорил мудрец.

Бог, Который есть Совершенство, путь к Которому бесконечен, как горизонт. Он виден, но недостижим. И мужчина, идущий к Нему, знает: он не дойдет до конца. Но он должен идти. Ибо его дело — не достичь, а вести. А женщина, идущая рядом, знает: она не сделает этот путь короче. Но она может сделать его теплее. Ибо ее дело — не вести, а согреть.

Теперь я скажу тебе о том, что мучает тебя, сын пустыни, — о красавицах развратных пустынь большого города. Ты видишь их на улицах, ты видишь их выставленные напоказ прелести, и желание закипает в твоей крови. Но послушай меня, хотя я лишь эхо Учителя.

Всякий, кто пожелал глазами красотку, душой уже был с ней. Ибо желание не знает пощады. Оно не ждет согласия. Оно берет. Оно облачает в плоть то, что рождено в мыслях. И когда ты смотришь на нее, ты уже раздеваешь ее взглядом. Ты уже обладаешь ею. Ты уже изменил своей жене. Ибо измена начинается не в постели, измена начинается в том миге, когда душа твоя прилепилась к чужому образу.

Но скажи мне, красотка с выставленными на показ прелестями: скольких же ты удовлетворила? Скольких ты обожгла огнем, а сама осталась холодной, как ночной песок? Ты даешь им тело, но не даешь души. Ты даешь им миг, но не даешь вечности. И вот они уходят, и ты остаешься одна. Ибо

ты продала то, что нельзя купить. И кто теперь пожелает тебя в жены? Кто возьмет тебя, зная, что ты была общей чашей для многих?

И вот что важно понять, сын пустыни. **Для мужчины страсть — цель.** Он ищет в ней завершения, он ищет в ней покоя, он ищет в ней забвения. А для женщины страсть — **средство.** Средство достичь того, что ей нужно: безопасности, тепла, продолжения. Она использует то, что мужчина ищет, чтобы получить то, что нужно ей. И в этом — великий обман. И в этом — великая мудрость. Но когда страсть становится средством без цели, она становится пустотой. И женщина, которая раздает себя многим, теряет силу этого средства. Она становится дешевой монетой, которую бросают нищим.

Вот почему, сын пустыни, мудрые предки наши были так суровы. Они знали то, что ты забыл. Они знали, что женщина, познавшая более одного мужчины, теряет свою целостность, как разбитый кувшин, из которого утекает вода. Они уничтожали таких не от жестокости, но от страха за весь караван. Ибо если женщина не хранит верность, если она становится общей, то мужчина перестает знать, чей он сын. И род путается. И наследие размывается. И отечество исчезает, ибо у отца нет уверенности, что сын — его сын. И тогда он не передает ему дело. И тогда город распадается на одиноких. И тогда все становится пустыней.

Ты думаешь, они были жестоки? Нет, сын пустыни. Они

были мудры. Они знали: если сломать эту стену, город рухнет. Ибо верность — это фундамент дома. А без фундамента дом превращается в песок.

Вернись же к простой схеме, которую оставили тебе древние письма. Муж — глава жене. Бог — глава мужу. Это не унижение. Это порядок. Это когда каждый знает свое место и не лезет в чужое. Это когда погонщик смотрит на звезды, а хранительница очага смотрит на него. И тогда караван идет. И тогда в доме мир. И тогда дети, рожденные от этой верности, становятся продолжением дела отцов. И тогда город, построенный такими домами, перестает быть скопищем одиноких. Он становится отечеством.

Ибо счастливая семья, сын пустыни, — это не та, где все равны. Это та, где каждый несет свою ношу, не пытаясь взвалить на себя ношу другого. Где мужчина ведет, а женщина вдохновляет. Где он смотрит вперед, а она — на него. Где он ищет горизонт, а она делает так, чтобы в пути не замерзли. И когда они вместе, они образуют одно целое. И это целое и есть дом. И этот дом — не песок, но камень. И на камне этом стоит город. И город этот — отечество.

Одиночество

Я знаю: есть тропа, что вьется по хребту пустыни. Она не широка, и следы на ней принадлежат лишь немногим. Толпа всегда остается внизу, в долинах, где воздух плотен от чужих голосов и где люди лепят свои дома друг к другу, чтобы не

слышать ветра. Они говорят о счастье, но их счастье — это тепло чужого локтя. Они боятся тишины, потому что в тишине они слышат только себя, а себя они не знают.

Но есть среди них тот, кто однажды почувствовал, что стены сжимают его грудь. Он вышел на край ущелья и увидел звезду. И звезда эта была не просто огоньком в небе — она была вопросом. И он начал подниматься.

Сначала он шел вместе с другими. Они карабкались по осыпям, радуясь каждой плоской площадке, где можно перевести дух. Но чем выше становилась тропа, тем реже я слышал их шаги. Один остановился, потому что у него заболели колени. Другой — потому что решил, что обзор отсюда достаточно хорош. Третий обернулся и сказал: «Там, внизу, остались мои любимые. Зачем мне высота, если я буду видеть их точками?» Он спустился. И это было правильно для него, ибо он выбирал уют, а уют — это якорь, а не крыло.

И вот я поднимаюсь один.

Это очень простое открытие: путь самосовершенствования — это не лестница в рай, это лестница, которая сжигает за собой ступени. Каждый новый шаг отменяет предыдущих попутчиков. Ибо высота — это не географическое место. Высота — это мера твоей сути. И на той высоте, где воздух разрежен настолько, что слова замерзают и падают в пропасть, не долетев до уха, там нет места для стада. Там нет места для компромисса.

Я стою на пике. Внизу — мир, который кажется мне кар-

той. Я вижу реки, похожие на трещины, и города, похожие на муравейники. Я слышу, как ветер поет через расщелины скал, и этот ветер не приносит мне ни смеха, ни плача. Я один.

Но мое одиночество — это не пустота. Это чаша.

Ибо в то самое мгновение, когда я перестал ждать ответа от земли, я услышал шаги Того, Кто не ходит по земле. Ты поднимаешься по каменистым осыпям веры, и каждый твой вздох — это молитва, потому что больше некому сказать о своей боли. Но странное дело: когда ты перестаешь говорить в пустоту, пустота начинает говорить с тобой. Ты становишься ближе к Богу не потому, что ты лучше других, а потому, что ты нуждаешься в Нем абсолютно. Когда нет никого, кто разделит бы твой хлеб, ты начинаешь делить его с Ним. И внезапно ты понимаешь, что не одинок. Ты наполнен так, как не был наполнен в самые шумные дни своей прежней жизни. Присутствие Бога не давит на плечи — оно держит тебя, чтобы ты не упал в бездну.

Я вспоминаю слова старого мудреца, который пережил все тщеты мира. Он сказал: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». И вот я стою здесь, на вершине камня, где знания накопились во мне, как накипь в медном котле. Да, я ною от этой скорби. Я вижу, как люди внизу ссорятся из-за теней, как они считают песчинки, принимая их

за золото. Я знаю их будущее, потому что оно похоже на их прошлое, и это знание разъедает мне душу.

Но если бы Екклезиаст поднялся на мою высоту, он бы добавил: «Скорбь — это корень, который пробивает скалу, чтобы добраться до родника». Ибо умножая знания, ты умножаешь не только скорбь — ты умножаешь расстояние между собой и миром. Ты становишься неудобным для других, непонятным для них. Но этот разрыв, эта щель между тобой и ними — именно через нее и просачивается Божественный свет. Когда ты знаешь слишком много, чтобы участвовать в общих играх, Бог становится твоим единственным игроком.

Не ищи утешения в общении с равными. Если ты нашел равного себе на высоте — значит, вы оба ещё не дошли до настоящей кручи. Настоящий подъем всегда совершается в одиночку. Но одиночество — это инструмент, которым Бог вытачивает из камня статую. Мастер работает один, потому что только его рука чувствует сопротивление материала. Если бы рядом стоял кто-то, он бы стер пыль, которую нужно сдуть, или добавил бы влаги там, где нужна сухость.

Я принимаю этот закон. Я не жалею на холод, потому что холод — это кристаллизация мысли. Я не боюсь, что меня забыли, потому что меня помнит Тот, Кто создал ветер.

Ты спросишь меня: стоит ли это того? Стоит ли терять голоса, смех, тепло женской руки, надежные плечи друзей — ради того, чтобы стоять на ветру и слышать только биение собственного сердца и шелест крыльев Ангела?

Я отвечу тебе так: когда ты умрешь, ты умрешь один. Ты не возьмешь с собой никого из долины. И тогда тебе придется отвечать не перед толпой, а перед Тем, Кто смотрит на тебя сейчас с высоты, на которую ты взбираешься. И если ты всю жизнь боялся одиночества, ты умрешь в ужасе. Если же ты привык к нему, как к своей коже, — смерть станет просто последним шагом на каменную площадку, где тебя уже ждет Отец.

Чем выше ты поднялся, тем ты ближе к Нему. Но ближе — не значит «лучше» в глазах мира. Это значит «прозрачнее» для Него. Ты становишься стеклом, через которое проходит Его свет.

Да будет так. Путь ввысь — путь вовнутрь. И Бог компенсирует все потери не тем, что пошлет тебе новых друзей, а тем, что наполнит твою пустоту Собой настолько, что ты перестанешь искать друзей вне себя. Ты станешь вселенной. А вселенная, как известно, одинока, но она не страдает от этого, ибо она полна самой собой и Тем, кто её зажег.

Иди. Возрадуйся своему одиночеству, как воин радуется заостренному клинку. Только заточенный клинок не знает ржавчины общих мест. Только одинокий дух способен вместить Безграничное.

О Городе и Одиночестве

Я скажу тебе, сын пустыни: город, который ты видишь за стенами, есть не что иное, как **скопище одиноких**. Они жи-

вут рядом, плечом к плечу, но между ними — пропасть. Они слышат дыхание соседа за стеной, но не слышат биения его сердца. Они строят дома из камня, но их души бродят по песку, не находя пристанища. Ибо город, возведенный только для плоти, становится тюрьмой для духа.

Ты удивлен? Но посмотри вокруг. Мы живем в мире, который научил нас одному: **потреблять**. И вот великая ирония, которую замечает лишь тот, кто поднимается на холм и оглядывает равнину: органы, что служат потреблению и удовольствию, у нас единичны. Один рот, чтобы поглощать. Один желудок, чтобы переваривать. Одно чрево, чтобы насыщаться. Но все, что несет в себе жизнь, все, что продолжает род и хранит память, — у нас парное. Два глаза, чтобы видеть дальше. Два уха, чтобы слышать глубже. Две руки, чтобы созидать и держать друг друга. Две ноги, чтобы идти вместе.

Почему так устроен человек, сын пустыни? Потому что потребление — это удел плоти, а плоть одинока. Она ест одна, она насыщается одна, она умирает одна. Но жизнь — удел двоих. Истина рождается в диалоге. Любовь рождается во встрече. Продолжение рода — в союзе. Природа оставила нам парные органы как напоминание: ты создан не для себя. Ты создан для другого. Но человек забыл об этом. Он смотрит на мир одним глазом — глазом потребителя. И мир кажется ему плоским, как пустыня под полуденным солнцем.

И вот что происходит, когда город забывает о парности.

Он превращается в рынок. Здесь все становится товаром. Даже то, что должно быть священным. Я видел, сын пустыни, как в этом городе дети перестали быть продолжением отцов. Они стали **конкурентами**. Лишние рты, которые тянут пищу из того же корыта. Лишние тела, которые претендуют на ту же постель. Лишние души, которые требуют внимания, которого у отца нет, ибо он сам голоден и сам ищет, чем наполнить свою пустоту.

И тогда отец смотрит на сына и видит в нем не свое будущее, а свое лишение. Он видит того, кто отнимет у него кусок хлеба, кто займет его место у огня, кто получит то, что он сам недополучил. Он не радуется его силе, ибо сила сына — это угроза. Он не передает ему свой меч, ибо меч нужен ему самому. И сын вырастает чужим. Он уходит в пустыню, и пустыня поглощает его, ибо у него нет корней. Он не знает, чей он. Он знает только, что он — один.

Но есть другой путь. Я расскажу тебе о нем, ибо я видел его в тех немногих, кто помнит, что такое **отечество**.

Отечество — это не земля. Земля — это песок, и ветер меняет его очертания. Отечество — это не флаг. Флаг — это ткань, и время выцветает ее краски. Отечество — это **верность**. Это когда отец передает сыну не только хлеб, но и дело. Не только кров, но и смысл. Не только имя, но и путь.

Истинный патриотизм начинается не на поле боя, сын пустыни. Он начинается в доме, когда отец берет сына за руку и говорит: «Смотри. Я строил этот дом. Теперь ты будешь

строить его дальше. Я сеял это поле. Теперь ты будешь собирать урожай, но не для себя одного — для тех, кто придет после тебя». И тогда сын перестает быть конкурентом. Он становится **продолжением**. Его руки — это руки отца, продолженные во времени. Его глаза — это глаза отца, обращенные в будущее. Его желания больше не кричат: «Дай мне». Они шепчут: «Я отдам».

Подумай об этом. В городе потребления каждый сам за себя. И потому город полон одиноких. Они толкаются локтями у прилавков, они грызутся за лучший кусок, они ненавидят тех, кто сильнее, и презирают тех, кто слабее. Но в этом нет жизни. Есть только суета, которая кончается вместе с дыханием. И когда человек умирает в таком городе, никто не продолжает его дела. Он был один, и он уходит один. Песок заметает его следы, и через день никто не помнит его имени.

Но есть другой город. Я видел его в снах и в редкие часы, когда ветер с гор приносил запах дождя. Там отец не боится сына, ибо видит в нем свою молодость. Там сын не боится отца, ибо видит в нем свою старость. И между ними — не стена, а мост. Они строят вместе. И когда отец слабеет, сын берет его ношу. И когда сын ошибается, отец держит его руку. И дело, которое они делают, — не для них. Оно для тех, кто еще не родился. И потому оно вечно.

Это и есть отечество. Не территория, а **преемственность**. Не границы, а **верность**. Не власть, а **жертва**. Ибо тот, кто передает дело сыну, жертвует своим правом быть

единственным. Он делает себя смертным, чтобы род стал бессмертным. Он соглашается уйти, чтобы дело осталось. И в этом — высшая форма любви.

Вот почему, сын пустыни, я говорю тебе: только тот народ выживет, который помнит, что дети — не конкуренты, а наследники. Только та цивилизация устоит, в которой отец передает сыну не только имущество, но и смысл. И только та душа обретет покой, которая видит свое продолжение не в вещах, которые она потребляет, а в делах, которые она оставляет.

Ибо в конце времен, когда город этот обратится в песок и ветер развеет его башни, останется лишь одно: связь, которую ты не купил и не продал. Связь, которую ты передал. Связь, которая сделала тебя частью чего-то большего. И тогда ты поймешь, что одиночество — это удел тех, кто жил только для себя. А те, кто жил для других и передал другим свое дело, — они никогда не были одиноки. Они были **отечеством**. И Отечество их — там, где вечность касается времени.

О двух стенах и одном свете

Я сижу в комнате. Напротив меня — человек. Мы говорим. Слова наши скользят по воздуху, как ласточки, и нам кажется, что мы понимаем друг друга. Но это иллюзия.

Между нами стоит стена.

Нет, она не разделяет нас физически. Но каждый из нас

видит свою стену. Я вижу ту, что у меня за спиной собеседника: на ней висит тень, похожая на дерево, и трещина, напоминающая русло высохшей реки. Он видит стену за моей спиной: на ней отсвечивает окно, и в этом отблеске для него заключен весь смысл комнаты. Мы описываем друг другу мир, но мы описываем разные миры. Даже глядя в глаза друг другу, мы видим в зрачках отражение своих стен.

Тот, кто скажет тебе: «Я вижу это», — лжет. Ибо видит он только то, чему его душа позволила задержаться. Глаза — это лишь колодцы, в которые падает свет. Но кто обрабатывает этот свет? Мозг? Нет. Мозг — это счетчик, он считает частоту колебаний. Душа — вот художник, что пишет картину. Душа набрасывает на голые факты цвета своих страхов и надежд.

Вот древняя поговорка мудрецов: «Если ты смотришь на золотого льва и видишь золото — ты не увидишь льва. Если ты видишь льва — ты не заметишь золота».

Смотри: скульптура стоит на солнце. Она едина. Но для скупца она — лишь слиток, который надо взвесить. Для воина она — хищник, которого надо бояться. Для ребенка она — живое чудо, и он пытается погладить её гриву, не чувствуя тяжести металла. Они стоят в одном месте, смотрят на одно и то же, но уносят в душе троих разных львов. Кто из них прав? Все и никто. Ибо Лев, сотворенный Мастером, остался тем, кем он был, — символом. Но каждый вырвал из него лишь ту искру, которую его собственный очаг способен был

вместить.

Я говорю тебе это не для того, чтобы опечалить тебя. Я говорю это, чтобы предупредить: тот свет, которым ты освещаешь свой мир, не есть Свет.

Есть в мире две силы, и обе они несут в себе сияние. Одна — это Свет, Который был в Начале. Он не выбирает, что осветить. Он подобен дождю: он льет на камни и на цветы, на праведника и на грешника. Он заполняет всю комнату без остатка. Когда входит Свет, пропадают тени, потому что тень — это лишь отсутствие Него. И тогда ты видишь комнату не как сцену для своей драмы, а как часть замысла. Ты видишь даже ту стену, на которую не смотришь, потому что Свет отражается от неё и рассказывает тебе о её порах и шершавостях.

Но есть и другая сила. Я знаю её под именем, которое люди шепотом передают из уст в уста. Его зовут Люцифер. Это имя — эхо гордыни, ведь оно означает «Светоносный». Некогда он был тем, кто стоял у Престола и носил сияние. Но он восстал. И теперь он не излучает Свет, он отражает его, как зеркало, повернутое против солнца.

Представь темную комнату. В этой комнате нет окон. Входишь ты с факелом. Ты поднимаешь факел над головой, и твой факел вырывает из мрака лишь то, что выгодно тебе. Ты хочешь найти книгу — и свет ложится на книжный шкаф, оставляя в тени меч, что висит рядом. Ты хочешь найти дверь — и луч скользит к двери, но ты не замечаешь ловуш-

ки на полу. Этот факел — твой разум, твоя логика, твоя воля. Но это не Свет. Это лишь инструмент. И пока ты держишь его в руке, ты — пленник своей цели.

Люцифер, бывший светоносный, научил человека этому трюку. Он шепчет: «Освети себе путь сам. Ты — бог, ты выбираешь, что видеть». И человек выбирает. Он выбирает видеть золото в лье, он выбирает видеть выгоду в лице ближнего, он выбирает видеть в любимой только её нежность, а в Боге — только Его милость. И он проходит по комнате, не видя всей комнаты. Он спотыкается о то, что оставил в тени, и падает.

Ибо пользоваться светом люцифера — значит дробить реальность. Это означает видеть часть, принимая её за целое. Ты говоришь со мной, но видишь только мои слова, которые хочешь услышать. Ты не видишь моего одиночества, потому что твой факел направлен на мой смех. Ты не видишь моего страха, потому что твой факел боится теней.

Но есть миг, когда человек устает быть факелом. Он роняет масло, рука его опускается. Он говорит: «Я слеп». И тогда входит ОН — тот Свет, Который не знает колебаний.

И тут происходит чудо: в свете Господнем ты вдруг видишь все стены одновременно. Ты видишь стену, которую видел твой собеседник, и стену, которую видел ты. Ты видишь золото льва и его гриву. Ты видишь нежность любимой и её боль. Ты видишь милость Бога — но видишь и Его справедливость, которая для тебя, может быть, страшнее. И

в этом всевидении нет выбора. Есть принятие.

Демон Света всегда предлагает тебе карту твоего маршрута. Бог предлагает тебе небо. На карте ты видишь только дорогу, которую выбрал. В небе ты видишь и тучи, и луну, и бездну, и высоту.

Вот почему одиночество мудреца, о котором я говорил раньше, — это одиночество, освещенное Светом. Мудрец больше не выбирает, что ему видеть в мире, потому что он перестал бояться увидеть слишком много. Он перестал быть царем своей комнаты. Он стал слугой всей реальности.

Когда два человека говорят в одной комнате, они не встретятся в понимании, пока один из них не погасит свой факел. Пока ты несёшь свой источник света, ты будешь видеть лишь своё. Как только ты позволишь войти Единственному Источнику — ваш факелы станут ничем, но вы оба увидите одно и то же: комнату, стены, трещины и друг друга — такими, какие вы есть на самом деле.

И это есть истинное видение. Это не работа глаз. Это труд души, которая решила принять мир целиком, а не вырвать из него кусок для своего утешения.

Не будь Люцифером в своем сердце. Не пытайся осветить только то, что хочешь съесть или потрогать. Жди. Молчи. И когда придет Полнота — ты увидишь даже ту стену, что за твоей спиной. Ты увидишь золото льва, но не позабудешь льва. Ты увидишь Бога в камне и камень в Боге.

Вот мой завет тебе: смотри духом. Ибо дух не знает огра-

ничений факела. Дух тонет в Свете, как рыба тонет в океане. И там, в этой слепящей ясности, двое говорящих наконец замолкают — потому что им больше нечего объяснять друг другу. Им осталось только быть увиденными.

О Доме и Голосах

Я скажу тебе, сын пустыни: личность есть **дом**. Не шатер, что сворачивают на рассвете, и не руины, где воют шакалы, но дом с крепкими стенами и распахнутым навстречу звездам окном. И живут в нем трое. И каждый мнит себя хозяином, и каждый тянет дверь на себя, и от этого скрипят петли, и трескаются балки под крышей.

Первый — это Плоть. Он помнит глину, из которой замешан, и требует тепла, пищи и ложа. Его желание остро, как лезвие ножа, ибо время его коротко, как миг между двумя наводнениями. Второй — это Ум, или Эго. Он измеряет, взвешивает и строит плотины, дабы вода не ушла в песок. Он хочет порядка, ибо боится Хаоса. И третий — это Душа. Она безмолвна большую часть дня, но по ночам, когда Плоть устала, а Ум уснул, она говорит шепотом. Она помнит, что дом стоит не на песке, но на Камне, и Камень этот имеет Имя. Душа умеет говорить с Ним, и потому ее желания кажутся двум первым безумными.

Ты спрашиваешь меня, кто из них главнее? Я отвечу тебе вопросом: кто в доме хозяин — тот, кто громче кричит, или тот, кто знает, куда ведет дорога от порога?

Ибо движут нами два великих бича: боль и наслаждение. Плоть бежит от первого и льнет ко второму. Ум торгуется с ними, пытаясь отсрочить боль и растянуть радость, словно скупец, отсчитывающий финики. Но Душа... Душа странным образом выбирает боль, если через нее видит Свет. И тогда Плоть вопит, Ум пожимает плечами и говорит: «Это бессмысленно». Но мы знаем, что такое бессмысленное случается. Герой закрывает грудью амбразуру, мать отдает последний хлеб чужому ребенку. Разве это не победа Души над рациональностью Ума? Победа, от которой нет выгоды здесь, но есть необъяснимая тяжесть величия.

Знай же: в этом доме никто не царит по праву рождения. Тут царит сильнейший в конкретный час. И если Плоть кричит громче всех, человек становится рабом яслей и корыта. Ум может взять верх, заковать Плоть в цепи поста и дисциплины, и тогда человек становится рабом схемы, сухим листом, который шелестит от ветра собственных вычислений. Но Душа может победить и Ум, и Плоть, и тогда человек идет на жертву. Он свободен от страха, но прикован к небу.

Какой же выбор — свобода?

Ты видишь: человеку плохо, когда он не утоляет жажду желания. Желание — это верблюд, который бьет копытом в стойле, и если не вывести его к воде, он опрокинет шатер. Но вот беда, которую замечает лишь мудрец: все наши желания — пустота. Мы не знаем завтрашнего дня. Та ли вода, к которой мы стремимся, принесет нам спасение, или это лишь

мираж, за которым — пропасть? Мы жаждем славы, а утро приносит забвение. Мы жаждем покоя, а тишина оборачивается смертью.

Я знал одного царевича из древней Индии. Он сидел под деревом и видел мир иначе. Он не объявлял войну желаниям и не скрещивал с ними клинок, ибо тот, кто бьется с врагом, уже признает его силу. Нет, он был искусен в ином — в **дисциплине угасания**. Он учил своих учеников: «Не кормите огонь, и он умрет сам». Он запрещал себе даже поворачивать голову в сторону сладкого, не потому что боялся проиграть, но потому что понял: всякая страсть — это крючок, а всякое наслаждение — наживка. Он искал Великое Ничто, где ветер стихает и нечего желать, ибо желание — это рябь на воде, а он хотел глади. И многие пошли за ним в эту пустоту, ибо в пустоте нет споров. Но скажи мне: разве тишина в доме, достигнутая тем, что ты выгнал всех жильцов, — есть мир? Ты загасил пламя, но вместе с ним погасил и свет в окне. Ты перестал желать, но перестал и любить. Ты победил желания дисциплиной, но дом твой опустел, и в нем поселился холод.

И вот что сказал Учитель, когда впервые заговорил с народом с вершины, где ветер особенно чист и слышно дыхание вечности. Он не стал говорить о войне с желаниями. Он не стал говорить о том, как их гасить терпением и дисциплиной. Он поднял глаза на толпу и произнес слова, которые перевернули само понятие счастья.

Он сказал: «**Блаженны нищие духом, ибо их есть**

Царство Небесное».

Подумай об этом, сын пустыни. Он не сказал: «Будьте сильными», ибо сильный полагается на свой меч. Он не сказал: «Будьте мудрыми», ибо мудрый полагается на свой разум. Он сказал: «Будьте нищими». Но нищета духа — это не пустота внутри. Это **открытые ладони**. Это когда ты перестаешь сжимать кулаки, удерживая свои желания, и разжимаешь пальцы, чтобы в них можно было что-то вложить. Это когда в доме твоём трое спорщиков вдруг понимают: у них нет ничего своего. Все, что они считали своим — и жажда плоти, и расчеты ума, и порывы души — все это дано им лишь на хранение.

И тогда Учитель продолжает. Он говорит: «Блаженны плачущие», ибо тот, кто отдал поводья, не боится слез. Он говорит: «Блаженны кроткие», ибо тот, кто вверил свою волю Отцу, перестает доказывать свою правоту. Он говорит: «Блаженны алчущие и жаждущие правды», ибо теперь его желания направлены не на песок, а на Камень.

Понимаешь ли ты теперь, что значит — **отдать поводья**? Это не слабость. Это величайшая сила. Верблюд силен и упрям. Если ты тянешь его за узду в одну сторону, он упирается в другую. Если ты бьешь его — он лягается. Но если ты вкладываешь поводья в ладонь Того, Кто знает каждый колодец в пустыне, верблюд перестает брыкаться. Ибо он чувствует: рука, держащая узду, — твердая, но не жестокая. Она ведет, но не душит.

Тот, кто отдает поводья Отцу, не перестает желать. Он перестает **требовать**. Его желания больше не кричат в доме, пытаясь переорать друг друга. Они становятся тихими. Они становятся молитвой. Плоть говорит: «Я хочу пить», и это желание не грех. Ум говорит: «Я хочу найти путь», и это желание не гордыня. Душа говорит: «Я хочу быть с Тобой», и это желание не безумие. Но теперь все три голоса звучат в унисон, потому что каждый из них знает: ответ будет дан. И ответ будет лучше, чем они могли придумать сами.

Индийский царевич под деревом учил угасанию. Он гасил огонь желаний, и в доме становилось холодно и тихо. Но Учитель с вершины учит иному: он учит **перенаправлять** огонь. Не гасить свечу, но поставить ее на подоконник, чтобы она светила путникам. Не убивать верблюда, но вручить его погонщику, который знает дорогу сквозь ночь.

И тогда сбываются слова, которые Он произнес в самом конце той речи: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Чистое сердце — это не пустое сердце. Это сердце, в котором желания отфильтрованы. Они прошли через горнило вверения. Они перестали быть песком, который слепит глаза, и стали водой, которая утоляет жажду.

Истинный хозяин в доме не тот, кто победил остальных, и не тот, кто заставил их замолчать. Ибо тот, кто победил, создал рабов, а рабы ненавидят своих господ, и дом рухнет. А тот, кто заставил замолчать, создал пустоту, а в пустоте не живет любовь. Хозяин тот, кто смог **примирить** спор. Он не

возвышает Душу, унижая Тело, и не кормит Тело, моря голодом Душу. Он говорит: «Тело, ты — колодец, из которого пьют; Ум, ты — карта, по которой идут; Душа, ты — звезда, на которую смотрят. Но все вы вместе — путники, идущие к Свету».

Так перестаешь ты быть рабом желаний. Ты становишься садовником желаний. Ты принимаешь их как семена, но проращиваешь их в той почве, которую указал Отец. И тогда завтрашний день не страшен. Ибо даже если ты не знаешь исхода пути, ты знаешь имя Того, кто вывел караван из Египта и провел сквозь воды.

И тогда в доме твоём воцаряется не главенство, а **согласие**. Трое спорщиков замолкают, потому что каждый нашел свое дело. И если придет ночь и погаснут свечи, ты услышишь не три голоса, но одно дыхание. Это дыхание и есть Личность. Цельная, как выкованный клинок, и уязвимая, как чаша на ветру. Но чаша эта полна не пустотой, а светом, пролитым Отцом. Ибо только вверяя, мы обретаем. И только принимая волю выше нашей, мы становимся по-настоящему свободными.

О словах мудрого царя земли зимы, мехов, меда и рек

Ты говоришь о том, кого соседи на юге, изнеженные теплом и обилием плодов, называли *ужасным*. Но запомни: соседи всегда называют ужасным того, кто видит то, чего они

не хотят замечать. Этот царь правил там, где река скована льдом большую часть года, где мед — редкая сладость, добытая ценой укусов, а мех — не роскошь, а условие выживания. В такой земле ложь замерзает быстрее, чем вода, ибо холод не прощает пустых трат тепла.

Он сказал:

«Горе мужу, которым управляет жена. Горе городу, которым управляют многие».

Эти слова — не о грубости и не о притеснении. Это слова о целостности воли. И сейчас я раскрою их тебе, как раскрывают котел с кипящим медом, чтобы ты увидел пену истины.

В стране зимы мужчина и женщина — не соперники, как у вас, в стране вечного тепла, жирной земли и щедрого солнца, где каждый ищет удовольствие и отталкивает другого. Там, где плоды падают с веток без усилий, где земля родит трижды в год, а солнце не знает усталости — там не нужно бороться за выживание. И потому вы начинаете бороться друг с другом. Вам нечего делить, кроме самих себя, и вы делите себя на куски, превращая любовь в торг, а близость — в сделку. Но когда жена управляет мужем, происходит *надлом*. Не потому, что жена глупа — нет, в его земле женщины мудрее южных правителей. А потому, что управление — это бремя, которое требует *одного направления воли*. Если ты отдаешь штурвал тому, кто стоит у тебя за спиной, то ты перестаешь быть штурвальным. Ты становишься *марионеткой*, а марио-

нетка не может вести караван через метель.

Горе этому мужу — не потому что его унизили. Горе потому, что он *расколот*. Он говорит одно, а делает другое. Он обещает меч, а протягивает иглу. В нем живут двое, а править должен один. Когда вождь раздвоен, его народ становится трижды уязвим: враг видит его слабость, свои — его неуверенность, а боги — его трусость. В стране вечного льда такой мужчина не доживает до весны, потому что лед трескается под двойной тяжестью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.